

Д-р Дэвид де Сильва , Культурный мир Нового Завета, Сессия 7, Чистота и загрязнение

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это сеанс 7 «Чистота и загрязнение».

Вы заканчиваете изучение Библии в своей церкви, подошли к концу какой-то книги Библии, например, Иоанна или Послания к Римлянам, и спрашиваете класс, что же нам следует изучать дальше? И кто-то сзади говорит: эй, а как насчет Левита? И все в классе начинают смеяться, потому что все знают, что это шутка.

Многие христиане, особенно в западных церквях, считают Левит книгой, которая не так уж доступна и значима. На Западе нам действительно пришлось бы усердно работать, чтобы стать сочувствующими читателями такого текста, как Левит, до такой степени, что мы не стали бы просто относиться ко всем его разговорам о том, что чисто и нечисто, что осквернено и осквернено, как к чему-то большому, как к чему-то большому. в чем тут дело? И нам придется приложить немало усилий, чтобы преодолеть это и достичь точки, где мы сможем понять, насколько эти опасения действительно имели значение для заинтересованных людей в отношении того, как относиться к святому Богу. В этом отношении мы, христиане 21-го века, сталкиваемся с множеством препятствий, особенно в западном мире и особенно в протестантских секторах этого мира.

Нас с самого начала учили рассматривать кодексы чистоты и ритуальные законы Ветхого Завета как устаревшие, внешние, законнические, как то, что просто мешает истинной религии, в отличие от проявления истинной религии для тех, кто в ней участвовал. в древней израильской, ранней еврейской религиозной практике. А христиане-протестанты особенно демистифицировали святое и дерегулировали доступ к святому. Разумеется, это не всегда так.

Многие из нас, несомненно, имели опыт нахождения себя в присутствии святого Бога, но я бы предположил, что для нас может быть нетипичным иметь такой опыт, который испытал Исаия в шестой главе своей книги, где он находился в святом месте, внезапно осознал присутствие Бога и внезапно осознал, насколько нечист и осквернен он был среди нечистых и оскверненных людей, так что он остро осознал, что может испариться в любую секунду и требовалось очищение, чтобы иметь возможность оставаться там в безопасности. Я думаю, что мы в значительной степени утратили ощущение силы и опасности святого, из-за которого раньше многие люди доверяли подход к святому религиозным профессионалам, обычно известным как священники.

Теперь, когда у всех верующих есть свободный и прямой доступ к Богу, без необходимости профессионального посредничества, особенно в результате чудесного дела Христа, и одна из тех вещей, которые восстановлены для христианства как часть наследия Реформации, я бы сказал: восстановлено для всех ветвей христианства в результате свидетельства Реформации, нам трудно прийти к полной оценке этой работы Христа, если мы сначала не поймем старые порядки, которые Он превзошел, и обоснование, которое сделало эти договоренности имеют смысл. Итак, как же современные западные люди, особенно, могут начать понимать интуитивную силу чистоты и осквернения для древних израильтян, евреев Второго Храма и им подобных? Один из способов — просто подумать о грязи и о том, как мы с ней обращаемся. Под грязью я подразумеваю просто почву.

Например, возьмите чашку горшечной почвы и бросьте ее в сад. Любой проходивший мимо, увидев там грязь, сказал бы: ну ладно, это грязь. Это то место, где оно принадлежит.

Это с другой грязью. Это на свежем воздухе. Это совершенно нормально.

Разложите эту чашку грязи на подъездной дорожке. Если вы похожи на меня, вас это не будет сильно беспокоить. Полагаешь, сильный ветер, хороший дождь — все само о себе позаботится.

Но некоторые люди сочли бы это осквернением подъездной дороги. Вероятно, в течение 24 часов они появятся там с метлой и вернут ее туда, где ей место, а именно, разбросают по траве вместе с остальной грязью. Возьмите чашку с грязью и поставьте ее на ковер в гостиной.

Почти никто не позволил бы ему остаться там. Я говорю «почти никто», потому что это, вероятно, смотрят ребята из нашего колледжа. Но, как правило, вы не позволите ему оставаться там.

Вы очень быстро соберете его, а затем пропылесосите остатки до тех пор, пока в этом пространстве не останется видимой грязи, потому что грязи не место на ковре в гостиной. Я на самом деле заново переживаю некоторые воспоминания об отцовстве, произнося эти самые слова. Грязи не место на ковре в гостиной.

Подумайте также о еде, о том, что мы едим, о том, что мы не едим, о том, где мы едим, и где и как мы обращаемся с едой, особенно вокруг еды. У нас может возникнуть ощущение, что у нас есть свои собственные кодексы чистоты и загрязнения, которые действуют довольно сильно. Я буду есть говядину, я буду есть свинину, я буду есть курицу.

Я не буду есть собаку. Почему это? Я действительно не могу сказать, потому ли это, что у собаки ужасный вкус. Это просто потому, что ты не ешь собак.

Знаете, в Америке, я надеюсь, я не оскорбляю этим никого из зрителей. В Америке просто считается табу есть собак или кошек, например. Это не часть нашей диетической практики.

И мы бы отнеслись к этому с пониманием, если бы вдруг кто-то поставил перед нами тарелку и сказал: «О, это карри-дог», нам, вероятно, была бы противна эта идея. Подумайте, что происходит с едой, когда она падает с тарелки. Если еда упадет с тарелки на кухонный стол, многие из нас могут сказать: «Ну, ничего страшного».

Просто зачерпните его, и все в порядке. Если еда упадет с тарелки на пол, у многих из нас, смотрящих, может возникнуть соблазн выбросить ее и начать все сначала или хотя бы сполоснуть. Честно говоря, будучи бережливым, это было бы моим решением.

Просто промойте его и съешьте. Все будет хорошо. Некоторых это может вообще не волновать.

Просто бросьте это обратно в тарелку, правило пяти секунд, вы знаете, как это бывает, и настаивайте. То, как мы обращаемся с едой, может отражать что-то вроде наших социализированных кодексов чистоты и загрязнения. Мы не просто берем еду, бросаем ее на ковер в гостиной и едим с него.

Почему нет? На самом деле в этом нет ничего плохого. Но нам это кажется каким-то неправильным. Это скорее загрязнение чистоты в действии, чем что-либо этическое, моральное или что-то в этом роде.

А теперь давайте немного более личного. Подумайте, как вы могли бы обращаться с больными людьми. Да, и это становится очень личным, потому что здесь очень широкий спектр реакций.

Некоторые из нас гермафобы. Давайте будем честными. Некоторые из нас гермафобы.

И то, что я собираюсь сказать, особенно может понять гермафоб. Вы замечаете, что у кого-то простуда, и они нюхают, что у вас. Они могут сделать это, а затем захотят пожать вам руку. Что вы делаете? Скажете, приятно познакомиться, ударить кулаком или что-то с другой стороны? Пожимаете ли вы руку, а затем при первой же возможности достаете дезинфицирующее средство или моете руку? Или ты просто пожимаешь руку и говоришь: да, все в порядке?

У меня тоже сопля. Это не проблема. Это как бы выдвигает на передний план наши собственные кодексы чистоты и осквернения, а также то, как бороться с осквернением, если мы чувствуем, что осквернение произошло.

Многое из того, что я только что обсуждал, можно объяснить нашей озабоченностью микробами, микробами и тому подобным. Но динамика, о которой я говорил, и интуитивные реакции, о которых я говорил, и тот факт, что мы выработали для себя (не единообразно в любой культуре, но для себя) способы справиться с тем, что мы воспринимаем как быть осквернением, понять интуитивные чувства, которые древние израильтяне, евреи периода Второго Храма, испытывали по отношению к вещам, описанным в книге Левит. Наши собственные кодексы чистоты, кстати, также имеют широко распространенные социальные последствия, точно так же, как древние израильтяне или еврейские кодексы чистоты Второго Храма имели социальные последствия.

Фактически, можно утверждать, что эти кодексы чистоты, эти табу на загрязнение были в первую очередь направлены на социальную инженерию, чтобы поддерживать тесные отношения евреев с евреями, но не с язычниками, чтобы еврейская идентичность, еврейские этнические границы, границы группа останетса нетронутой. Подумайте о своих кодексах чистоты и загрязнения и о том, как они могут иметь социальные последствия. Возвращаетесь ли вы к кому-нибудь домой на ужин во второй раз, заметив, что по большей части они обращаются с едой, извините, после того, как заметили, что они обращаются с едой менее осторожно, чем вы? Возможно, да, возможно, нет.

Возможно, вы скажете: я не собираюсь; Я приглашу их на ужин. Они мне нравятся, но мне не очень удобно туда возвращаться. Или подумайте о бездомных посреди вашего города. Возможно, вы не против протянуть бездомному правую руку общения, но, возможно, вы заметили, что многие люди делают это, даже если видят бездомного.

Бездомный – это человек не на своем месте, человек без места в обществе. У всех нас есть места, и это важно для идеи чистоты и загрязнения. Всему свое место, и всему есть место.

Итак, бездомный – это переселенец. И мы можем думать с точки зрения гигиены, вы знаете, что у бездомного может быть не лучший доступ к душе, мытью рук и тому подобному, но в конечном итоге наши мысли о чистоте могут повлиять на наше социальное взаимодействие с этим человеком. То же самое можно применить и ко времени.

Лично я этого не ощущаю, но многие люди могут почувствовать, что если им позвонят по делам домой, их время и пространство будут нарушены. И

наоборот, если человек на работе, то это к вам не относится, если вы пастор, а если вы бухгалтер или что-то в этом роде, если вы на работе, и человек поднимает сугубо личный вопрос и хочет поговорить о чем-то, что происходит у него дома, у вас может возникнуть ощущение, что нарушено рабочее место, что нарушено рабочее время. Итак, мы могли бы начать испытывать некоторую симпатию к древним кодексам чистоты и загрязнения, если бы смогли резонировать с любым дискомфортом ситуаций, о которых я говорю, или с любыми реакциями на то, что чисто, что загрязнено, что Я давал имена.

Многие из наших современных кодов чистоты, если их можно так назвать, как я уже говорил, связаны с микробами и инфекциями. Разница с древними не в динамике, которую я описывал, а в том факте, что они не столько озабочены тем, чтобы заразиться болезнью как таковой, что движет многими, по крайней мере, западными современными мыслями, сколько тем, чтобы подхватить что-то. Это сделало бы их непригодными для взаимодействия со святым и тем самым также увеличило бы непригодность народа в целом оставаться в присутствии и под защитой святого Бога. И наоборот, и я тоже слышал об этом, попытка объяснить древние еврейские кодексы чистоты с помощью современных медицинских терминов на самом деле упускает из виду, почему ранние евреи заботились о чистоте и загрязнении.

Знаете, что бы вы ни говорили о свинине с медицинской точки зрения, чтобы объяснить, рационализировать и оправдать еврейские диетические правила, это просто не имеет отношения к тому, почему свинина была нечистой, почему мясо свиньи было нечистым в древнем мире. И мы навязываем иностранное объяснение, которое просто не волновало бы еврея, который мог бы предпочесть умереть под пытками, чем съесть полный рот свинины, что, как вы знаете, является умышленным нарушением закона. Чистота связана с представлением о божественно установленном порядке космоса и всего в этом космосе.

Как я уже упоминал всего несколько минут назад, это было описано как забота о месте для всего и о том, чтобы все было на своем месте в космическом масштабе. И наоборот, загрязнение связано с пересечением границ, которые не следует пересекать, перемещением с места, совершением ненадлежащих действий в определенном месте или времени и переходом в состояние, в котором порядок каким-то образом разрушен. Таким образом, читая Левит, мы замечаем, что существует большое беспокойство по поводу таких вещей, как жидкости.

Телесные жидкости, связанные с воспроизводством, каким-то образом принадлежат внутри тела и загрязняются, когда они выходят за пределы и пересекают эту границу. Работа в назначенный Богом день отдыха — это деятельность неуместная, когда мы думаем о месте как о своего рода карте

времени. Омары нечисты, потому что они живут в море, но ходят, как наземные животные, и поэтому представляют собой смесь категорий, которые следовало бы держать отдельно.

Под «должным» я имею в виду, с точки зрения этого видения космоса и его порядка, где все находится? Где место всему? Люди, страдающие от расслаивания кожи, мокнущих кожных заболеваний, которые в английских переводах Библии часто объединяются с проказой, испытывают эрозию правильной границы, границы кожи, где заканчивается человек и начинается остальной мир, и поэтому перешли в состояние загрязнения. Все это имеет значение только из-за другого фактора: присутствия Святого.

В Израиле это именно присутствие единого святого Бога. Что такое святость? Святое — это то, что отделено от обыденного. Оно совершенно, целостно, завершено и наделено силой в отношении обычной жизни.

Эта сила может вырваться либо на благословение, либо на разрушение. А святое, приведшее космос в совершенный порядок, не терпит загрязнения. Таким образом, с одной стороны, Израиль отчаянно нуждается в благах, которые исходит от Святого, обитающего среди него.

С другой стороны, Израилю следует быть предельно осторожным, чтобы не попать святыню своим осквернением. Следовательно, Израилю нужны четкие инструкции, такие как Левит, чтобы знать, когда что-то или кто-то перешел черту от чистоты к осквернению. Израилю также необходимы четкие процессы сдерживания и устранения загрязнения.

Следовательно, обряды очищения — это способы взять то, что перешло в царство нечистого, и вернуть его в царство чистого. И Израиль должен знать, как принять надлежащие меры предосторожности, чтобы не допустить контакта осквернения со святым, особенно со святым. В качестве примечания я мог бы просто отметить, что все культуры древнего средиземноморского мира были озабочены чистотой и загрязнением, а также подходом к святыне в состоянии чистоты, чтобы получить благословение, а не навлечь на себя гнев.

Греческие и римские кодексы чистоты редко были такими сложными и прописанными до такой степени, как мы находим в книге Левит. Но, например, были найдены надписи, излагающие условия, при которых человек мог приближаться к той или иной святыне или храму, или святому месту. Итак, если бы кто-то отправился в это святое место и встретил там божественное существо, ему сначала нужно было бы воздержаться от определенных скверн, пройти определенные очищения и тому подобное.

Итак, мы не должны думать, что чистота и осквернение — это концепции и кодексы, которые важны, актуальны и значимы только для евреев или еврейских христиан. Это просто не тот случай. Дело в том, что мы видим, что авторы Нового Завета пишут о чистоте и осквернении, в основном опираясь на еврейские кодексы чистоты, ритуалы Ветхого Завета и Второго Храма и тому подобное.

Потому что, конечно, таковы, пожалуй, все, возможно, большинство, если не все, авторы Нового Завета. Итак, давайте вместе подумаем о Левите, а также о чистоте и осквернении, о которых говорится в этом тексте. Я мог бы начать с нескольких стихов из Левита 10.

Это знакомит с основными категориями, о которых нам нужно будет поговорить. Господь обратился к Аарону, сказав, что ты должен различать святое и обыкновенное, а также нечистое и чистое. И ты должен научить народ Израиля всем постановлениям, которые изрек им Господь через Моисея.

Теперь в этом коротком тексте мы находим два набора категорий, которые являются парными категориями. Есть святое и общее, одна связанная пара категорий. Есть чистое и нечистое — вторая родственная пара категорий.

Обратите внимание также, что основная функция священника в этом тексте — убедиться, что весь народ знает об этих категориях и о том, как Бог определил и предписал, как люди будут обращаться с этими категориями. Отсюда и все постановления, которые Господь изрек народу через Моисея. Давайте подумаем об этой первой паре категорий: обычном в противоположность священному.

Обычный или светский, хотя в английском языке светский имеет негативный оттенок, как и ненормативная лексика, но общий, светский или светский термин в целом является нейтральным термином. Это относится к обычным пространствам и обычным вещам мира, доступным людям. Святой, напротив, является термином, наполненным смыслом.

Общий — это своего рода немаркированный термин. Это не особый термин для пары, но святой — это особый термин для пары. То есть пара существует для того, чтобы подчеркнуть святое, а не для того, чтобы выделить общее.

Святое относится к особым местам или особым вещам, которые отделены от обычного, от обыденного, как принадлежащие каким-то особым образом Богу. Вторая пара терминов – чистый и нечистый. Чистота на самом деле является нейтральным термином в этой паре.

Это не такой уж специальный термин. И обычно это относится к человеку или предмету в его нормальном состоянии. Блестящий текст обо всем этом — книга Ричарда Нельсона «Воспитание верного священника».

В этой книге он пишет, что чистым можно считать то, что находится на своем месте в границах, установленных Богом в творении, и чьи собственные внешние границы целы и нетронуты. Нечистый, напротив, является термином, наполненным смыслом. Он обозначает что-то, что перешло черту от нормального состояния до опасного состояния загрязнения.

Оба эти набора терминов действуют постоянно. Вы можете описать что угодно, кого угодно, используя одну категорию из каждой из этих пар. Типичный израильтянин-мирянин большую часть времени будет чистым и простым.

Иногда он или она становились нечистыми, и ему приходилось иметь дело с нечистотой или каким-то образом учитывать ее и управлять ею. Но в большинстве случаев типичный израильтянин-мирянин чист и прост. Если она или он подвергается осквернению, он или она становится нечистым и нечистым.

Например, женщина во время менструации стала нечистой и встречается до сих пор. Но это состояние не сохраняется в конце потока. Она проходит очищение и снова становится чистой и обычной.

То же самое и с парнем, у которого ночная поллюция. Будем надеяться, что еда, продаваемая на еврейском рынке, будет чистой и обычной. Это будет правильная еда, с правильным обращением, и она будет обычной.

Его мог бы есть любой мирянин-израильтянин. Проблема с едой, продаваемой на нееврейском рынке, заключается в том, что она, по всей вероятности, будет нечистой, обычной и непригодной для еды еврею. Нечистым в силу того, что он был, произошел от животного, принесенного в жертву идолу в храме, или от животного, которое было неправильно забито, так что кровь осталась в тканях и осталась там, чтобы быть съеденной позже, и что вы имеете.

Десятина собиралась для священников, а это означает часть продукта земли, то есть не вся пшеница, а часть пшеницы. Не все оливковое масло или вино, а немного оливкового масла и вина. Десятина, собранная для священников, была чистой и святой.

Поэтому их могли есть только священнослужители, священники, в чистом виде. Для обычного израильтянина-мирянина съесть часть того, что было десятиной, для обычного человека было бы присвоить святыню себе, и это было бы нарушением этих категорий. Это осквернило бы десятину и святые вещества и вызвало бы божественный гнев.

Кладбище было нечистым и обыкновенным, тогда как территория храма была чистой и святой. Все эти классификации существовали для того, чтобы не допустить попадания нечистого в присутствии святых. Древнее мышление относительно сочетания нечистого и святого можно было бы сравнить (простите за западную культурную аналогию) с отношением экипажа звездолета «Энтерпрайз» к вступлению в контакт материи и антиматерии.

Вы хотели избежать этого любой ценой, потому что разрушительная сила встречи этих двух вещей могла быть катастрофической. Еще одна вещь, которую нам нужно усвоить. Типичный еврей первого века, руководствуясь самой Торой, не делал различия между ритуальным законом и моральным законом.

Все было по закону. Все это было в равной степени законом, одинаково значимым и обязательным как таковое. Это было единое последовательное наставление о том, как жить прежде и соблюдать завет со святым Богом.

Это видно по легкому сопоставлению этих двух книг в книге Левит. Например, в этом очень важном тексте из Левит 19:18–19: «Не мсти и не злись на сыновей и дочерей своего народа, но люби ближнего твоего, как самого себя».

Я Господь. Вы будете соблюдать Мои уставы. Не позволяй своему скоту размножаться от другого вида.

Не засевай поле твое двумя видами семян и не носи одежду из двух видов ткани. Прямо здесь, рядом друг с другом, в этих двух стихах вы видите то, что мы, современные люди, могли бы сразу же расценить как моральное наставление. Не таите обиду.

Не мсти. Возлюби ближнего своего, как самого себя. Это один стих из книги Левит, который все мы знаем.

И то, что мы могли бы отнести к категории ритуального права. Какое этическое значение имеет сеять на одном поле? Я, очевидно, не фермер, потому что сейчас мне трудно. Ячмень и пшеница или соя и пшеница.

Очевидно, вы знаете, что это неудобно, если вы действительно не любите сою и все продукты из пшеницы. Но для нас это не этический вопрос. Это должно относиться к ритуальному желанию не смешивать вещи, которые являются дискретными и отдельными.

Итак, если не считать древнего израильтянина, еврея периода Второго Храма, то это всего лишь тот образ жизни, который нам велел Бог, — единое целое. Это неразличение также можно увидеть из того факта, что тот же самый вид

жертвоприношения, который можно было бы перевести как жертвоприношение за вину, требовался для борьбы с осквернением, возникшим в результате мошенничества в деловых отношениях и заключения контрактов с осквернением через контакт с нечистым человеком или животное. Итак, мы бы еще раз сказали: о, первое — это моральное соображение.

Второе – ритуальное рассмотрение. Для еврея первого века и то, и другое было просто соображениями загрязнения и, таким образом, удерживалось вместе. Мне бы хотелось уделить немного времени размышлениям со всеми вами о картах чистоты раннего иудаизма.

Карты чистоты предоставляют модели порядка в космосе, модели того, как все должно находиться на своем месте по отношению ко всему остальному. Они обеспечивают норму или ориентир, по которому человек может отличить, когда что-то не на своем месте и, следовательно, требует особого обращения или внимания, будь то избегание или очищение. А в раннем иудаизме мы можем говорить о картах людей, картах пространства, картах времени, картах еды и картах отдельных тел.

И эти различные карты, которые на первый взгляд могут показаться нам разрозненными, на самом деле дополняют друг друга. Особенно они работают вместе, чтобы укрепить как внешние границы еврейской общины, то есть там, где останавливаются евреи и начинаются неевреи, так и внутренние структуры и иерархии, внутренний порядок внутри еврейской общины. Итак, сначала давайте подумаем о картах людей.

Первый уровень картирования позволит отличить израильтянина от неизраильтянина. Нееврей практически исключен из карты. А израильтянин считается де-факто чистым.

Неизраильтянин де-факто является нечистым. Почему? Потому что Бог избрал израильтян как достойных, как чистых для себя, но конкретно избрал израильтянина из всех тех других народов, которые не подходят для самого Бога, для самого Бога. В Левите то, что мне кажется своего рода существенным повелением, оно произносится, я думаю, по крайней мере трижды, но здесь оно есть в Левит 11:44. Мы видим, как Бог говорит: «Я Господь, твой Бог».

Вы должны хранить себя святыми и быть святыми, потому что Я свят. Таким образом, выбор Израиля со стороны Бога возлагает на Израиль особое бремя отражать святость Бога и отражать собственный акт Бога по различению чистого и нечистого в своей повседневной практике. Обрезание отличает израильтян от большинства неизраильтян древнего мира.

Есть исключения, но в конечном итоге, когда язычник думает об обрезании, язычник думает о евреях и редко о некоторых египетских священниках и т. д., т. п. и т. п. Обрезание было ритуалом, который записывал на теле израильтянина мужского пола. Особенность израильтян, тот факт, что израильтяне были отделены от всех других народов земли, чтобы быть Божьими, быть в завете с Богом, быть Божьими – вот что я имею в виду, быть в завете с Богом. Сейчас внутри Израиля существуют градации святости, укрепляющие внутреннюю иерархию и внутренний порядок внутри еврейского народа внутри израильской нации.

Итак, на нижнем уровне, если можно так сказать, святости, находятся израильтяне-миряне, мужчины и женщины. И они чистые, но обычные. Но внутри Израиля есть одно особенное колено, которое еще больше выделилось для Бога.

Все израильтяне были отделены для Бога от язычников. Но внутри Израиля колено Левия еще больше отделилось для Бога. Таким образом, на левитов легла особая обязанность заботиться о физических сооружениях и всей ритуальной деятельности скинии и храма.

Внутри колена Левия есть еще группы, отделенные для Бога. Это будут жреческие ордена внутри Левия, жреческие кланы или семейные линии внутри колена Левия. И эти священники имели больший доступ к Богу, чем типичный левит, который имел больший доступ к Богу, чем типичный израильтянин.

И среди всех первосвященников, извините, среди всех священников, внимание, спойлер, был один человек, один человек, первосвященник, который был наиболее выделен для Бога из всего народа. И из-за его более высокого уровня обособленности он имел доступ к Богу, к Его святым местам, превосходя доступ к любому из его коллег-священников. Итак, действительно задумываясь об этих внутренних линиях чистоты, которые, кстати, затем усилили иерократию, жреческое управление древним Израилем и в значительной степени Иудеей Второго Храма или Иудеей в римский период, во многом не в полной мере, но в значительной степени.

Таким образом, кодексы святости укрепляют здесь внутреннюю структуру. И мы уже как бы перешли к картам пространств, потому что они очень взаимосвязаны с картами людей в Торе. И храм является своего рода моделью иерархии внутри Израиля, основанной на том, кто какую черту может пересечь и не идти дальше, а также представлением большей святости Израиля, чем всех остальных народов мира в целом.

Итак, если вы можете визуализировать любую модель или изображение храма, которое вы когда-либо видели, вы знаете, что снаружи самая дальняя область

известна как Двор язычников, что на самом деле является неправильным названием. Я не видел, чтобы это называлось так в древних текстах, но я нашел описание этого суда как суда, открытого для всех народов, суда, открытого для всех колен, например, в 4-й Маккавейской 4:11. Однако в результате получается, что это пространство, куда язычники могут прийти, и не более того. Евреи, конечно, тоже могли туда поехать.

В этом и смысл открытости для всех племен, всех наций. Но язычники могли подняться до определенного уровня, дальше которого они не могли выйти из-за отсутствия у них необходимой обособленности. Вероятно, в Скинии все было совсем не так.

Возможно, даже не в первом храме. А вот во втором храме имелся ряд надписей, некоторые из которых были найдены. Полный экземпляр существует и сейчас хранится в Стамбульском археологическом музее.

Куча камней, написанных по-гречески, по сути, предупреждала язычников, что они не смогут пройти эту точку. А если и так, то в своей быстро наступившей смерти им придется винить только себя. Итак, окончательный знак «Посторонним вход воспрещен».

Однако помимо этого существовало еще несколько судов — во-первых, суд израильских женщин. Таким образом, израильские женщины были более отделены для Бога, чем язычники.

Они могли войти в следующую часть храма и иметь более близкий доступ к Богу, физически говоря, чем все неизраильские народы. Помимо этого, существовал даже двор израильтян, израильтян-мирян и мужчин-мирян. Итак, еще одно внутреннее различие.

Теперь, во дворе израильских мужчин, мы находим настоящее святилище. Во-первых, жертвенник перед святилищем. И затем само святилище, состоящее из двух, по сути, двух помещений.

Первое из них называется святым местом. Второе из них, за святилищем, является самым святым местом — святая святых, как его обычно называют.

А святое место — это пространство, куда могли зайти священники. Они могли действовать, конечно, во дворе священников, у жертвенника, и входить в святое место, когда наступала их очередь, например, возжигать фимиам перед Господом. Но в самое святое место, святая святых, которое было своего рода концептуализировано как место, где пересекаются божественное и человеческое царство.

Пойти мог только первосвященник. И то, только один раз в году. И это сдерживается только очень осторожными очистительными обрядами и предотвращением загрязнения.

Посягательство – это концепция, с которой мы сталкиваемся; возможно, это не Левит, но это могут быть Числа. Но если кто-то пересекает ту точку, которую он, за неимением лучшего слова, имеет право уйти в силу своего уровня обособленности, этот человек должен быть убит находящимися там храмовыми стражами, потому что успешное посягательство является осквернением. из этих святых мест.

И, следовательно, опасная провокация Бога. Во 2-й и 3-й Маккавейской книге есть несколько чудесных историй, связанных с этим. Это мой короткий рекламный ролик апокрифов.

Но истории о лидерах язычников, которые пытаются зайти дальше, чем имеют на это право. И в этих историях, как только они покидают двор, открытый для всех людей, и переходят в более святые места, предназначенные для других людей, Бог каким-то чудесным, чудесным образом вмешивается в ответ на молитвы Божьего народа, которые молятся, чтобы Бог не позволит осквернить святилище. А, например, во 2-й Маккавейской книге это назначенец царя Селевкидов Селевк IV, бедный полководец по имени Гелиодор.

Он просто делает то, что ему говорят. И он входит, и у него как будто тут же случился инсульт. И, как рассказывается во 2-й Маккавейской книге, ангелы на конях избивали его и швыряли взад и вперед .

И только благодаря вмешательству первосвященника Ониаса ему удалось спастись. Что бы мы ни думали об этой истории исторически, она говорит нам нечто очень важное о храме с точки зрения чистоты и загрязнения. Посягательство смертельно опасно.

Святость этого места, потенциально являясь благословением, смертельна. Если вы ошибетесь в присутствии святого, это может оказаться смертельным. Теперь земля Израиля также считалась более святой, чем земли языческих народов.

Опять же, по Божьему выбору. Бог избрал Израиль Своим жилищем, а также местом, которое Он даст Своему народу. Именно осквернение и нечистота хананеев были названы причиной их изгнания и, в значительной степени, их истребления.

И это угроза, которая продолжает нависать над Израилем в этой литературе. Если они умножат нечистоту, если они не будут внимательны к сдерживанию и

устранению загрязнений на земле, земля извергнет их, как это было до них с хананеями. Теперь в древнем Израиле также есть карты времени.

И, пожалуй, самая очевидная карта времени — это ритм недели. Есть шесть дней для работы, но седьмой день отделен, так же, как священники отделены больше, чем миряне Израиля, больше, чем остальные народы. Седьмой день выделен Богом, и поэтому он свят для Господа.

И эта святость должна уважаться святым народом Божиим и людьми, призванными быть святыми, как свят я. Таким образом, суббота, седьмой день отдыха, становится важным маркером еврейской идентичности, а также, теоретически, неприкосновенной практикой. В Израиле существовала смертная казнь за нарушение субботы.

Итак, каждую неделю у нас есть эти ритмы, которые также являются напоминанием о святости народа Израиля, который был избран святым Богом, чтобы отражать Его святость, делая то, что делал Бог, отдыхая в день субботний. И, конечно же, существует более широкий священный календарь обычных и священных времен года. Например, три праздника паломничества: Песах, Пятидесятница или, о боже, это неловкий момент, и киоски.

Спасибо джентльмену за камерой. Спасибо, доктор Хильдебранд. Итак, эти три времени являются священными.

С ними нельзя обращаться так же, как с остальной частью года. К ним следует относиться особым образом, отражая святость времени и святость того, что вспоминают в это время. Итак, у нас тоже есть эти карты.

И, как я уже упоминал, существуют также карты еды или карты, окружающие еду. Вероятно, об этом чаще всего думают с точки зрения чистоты и осквернения, чистых и нечистых правил Левита, даже евреев и в древнем мире. Если язычник знал три вещи о евреях: он или она знали, что они обрезаны, соблюдали субботу и очень забавно рассказывали о том, что они будут есть, а что нет.

Но в книге Левит указано, какие животные чистые, а какие нечистые. К чистым животным относятся наземные животные, обладающие двумя характеристиками. Они жуют жвачку, жуют жвачку и у них раздвоенные копыта.

Если у животного есть одно, но нет другого, оно не чистое. Если у животного нет ни того, ни другого, оно не чистое. Морские существа могут быть чистыми.

Чистые — это те, у которых есть и плавники, и чешуя. Если им не хватает того или другого или того и другого, они нечисты, потому что это смешение категорий. Это отклонение в Божьем порядке.

Я, например, упомянул лобстера, который живет в воде, но ходит по суше. Это выходит за рамки Божьих категорий. Для неевреев было бы нормально есть омаров, потому что неевреи нечисты, а омары нечисты.

Они прекрасно сочетаются. Но люди, которые были отделены, чтобы быть святыми для Господа, должны проводить различие между чистыми и нечистыми, которое провел Сам Бог, избрав этого человека, а не тех людей, не тех людей. Кроме того, существуют строгие правила относительно того, какие порции продуктов питания подходят каким потребителям.

Кровь принадлежит Богу. Знаменитый стих из книги Левит гласит, что кровь — это жизнь, и кровь дается для особой цели: не для употребления в пищу, а для искупления грехов святого народа. Кровь принадлежит Богу.

Итак, евреи не едят кровь. Они тщательно удаляют кровь из тканей, прежде чем проглотить ее. Но возьмем, к примеру, жертвенное животное.

Большинство этих животных кто-то съел. Не всегда. Было несколько целых всесождений.

Но если я принес в храм благодарственное приношение, мне действительно удалось его съесть изрядное количество. Но священники должны были съесть определенные части этого, а Бог должен был, образно говоря, съесть или получить определенные части. Те части, которые полностью сгорели, принадлежали Богу.

Определенные части, не помню какие, принадлежали священникам. И мирянин не ел долю священника, потому что это было святыней для священников. Оно принадлежало ему.

Мирянин и его семья могли съесть остаток. Итак, с одной стороны, у нас есть внимание к еде, но это внимание к еде укрепляет внутреннюю иерархию Израиля с Богом наверху, со священниками в следующем эшелоне и всеми остальными внизу. Обратите внимание, как я уже сказал, многие из этих правил являются взаимодополняющими.

Внимание к еде во многом усиливает различие между израильтянами и неизраильтянами. И даже евреи пришли к выводу, что это своего рода основная функция диетических правил. Они даны для того, чтобы мы не слишком

свободно смешивались с людьми других наций, с их безумными представлениями о религии, Боге и морали.

Таким образом, тот факт, что евреям приходилось проявлять особую осторожность, чтобы есть чистую пищу, приготовленную чистыми способами, без крови, не задушенную и тому подобное, означал, что они собирались создать свои собственные рынки, например, в диаспоре. Таким образом, они могли быть уверены, что получают чистую и правильно приготовленную пищу. А это, в свою очередь, означает, что евреи будут более организованы в сплоченные общины в городах диаспоры, потому что они будут организованы вокруг своих собственных рынков.

Таким образом, диетические правила о том, что есть и чего не есть, в конечном итоге также подкрепляют карты людей и призыв Израиля отличаться, отличаться от всех остальных народов земли, потому что был выбор Бога. Наконец, мы смотрим на карты тела. Здесь Левит находится в самом интересном месте, когда он уделяет внимание поверхностям.

Например, поверхность кожи, поверхность одежды, а также отверстия, те отверстия в теле, которые являются местами, куда может проникнуть нечистота или выйти наружу. И, знаете, идея в том, что тело должно быть целым, а то, что внутри, обычно должно оставаться внутри. И нужно быть осторожным с тем, что приходит извне.

Полагаю, это больше относится к категориям продуктов питания. Но здесь из тел не должна сочиться жидкость. Кожа не должна быть проницаемой, как при различных видах экземы, названной в Левите и других местах проказой.

И тела, перешедшие из жизни в смерть или символизирующие переход из жизни в смерть. Например, менструальные выделения женщины символизируют, по сути, не сложившуюся жизнь, ставшую источником загрязнения. Индивидуальное тело становится своего рода символом социального тела.

Обеспокоенность по поводу целостности границ индивидуального тела отражает озабоченность по поводу целостности границ социального тела. Другой блестящий ученый в этом отношении, Ричард Нельсон, и я сейчас упоминаю Мэри Дуглас, писал; она много писала о Левите, но ее фирменная работа — «Чистота и опасность». Ее обширное изучение современных племенных культур, а также древней израильской культуры привело ее к пониманию того, что тело, индивидуальное физическое тело, является моделью, которая может представлять собой любую ограниченную систему.

И поэтому, когда мы думаем, когда мы читаем Левит с точки зрения того, что пересекает эту границу, границу кожи, нам следует также подумать об этом как о способе усилить обеспокоенность Израиля по поводу границ самого Израиля и того, что входит в Израиль и выходит из Израиля. Теперь я должен сказать, что само загрязнение в целом не было проблемой. Дело не в том, что евреи стремились избежать загрязнения любой ценой.

Это было неизбежно. Каждый месяц у женщины были менструальные выделения. Каждый будет страдать от потери родственников до смерти, и ему придется иметь дело с телом и хоронить его.

Нечистота, я бы сказал, загрязнение, неизбежна. Что нужно сделать, так это знать, произошло ли это и когда это произошло, чтобы можно было соблюдать надлежащие обряды очищения, чтобы рассеять загрязнение, чтобы это загрязнение можно было сдерживать и бороться с ним, а не распространять, умножать и накапливать в пределах земли. и, таким образом, угрожают заставить землю снова извергнуть своих жителей. Загрязнения происходят по всей Святой Земле, и что интересно, возможно, немного странно, так это то, что загрязнение влияет на само Святая Святых.

Если бы мы внимательно посмотрели на ритуал Дня искупления, мы бы увидели, что нам приходится иметь дело не только с загрязнением снаружи, но и с последствиями загрязнения здесь. , в самом сокровенном месте, где люди взаимодействуют с божественным. Поэтому внимание уделяется очистке святилища, самого сокровенного святилища, куда никто никогда не ходит, от загрязнения, которое происходило там весь год . Примечательно, что не существует никаких обрядов очищения и никаких жертвоприношений, предписанных при некоторых осквернениях, что позволяет предположить, что при некоторых осквернениях просто не существует возмещения, по крайней мере, в древнем Израиле, за исключением уничтожения оскверненных.

Это относится, например, к человеку, который сознательно ест нечистую пищу, участвует в идолопоклонстве или нарушает субботу. Сейчас мне потребуется еще немного времени, чтобы подумать о том, что делает коды чистоты значимыми для участников. Я уже упомянул некоторые из них, но хочу объединить их.

Первое и главное — это повеление Бога: « Будьте святы, ибо Я свят». Выбор Израиля, простите, Божий выбор Израиля – это также поручение Израилю сохранять себя в состоянии, в котором он может принадлежать святому Богу, где он может взаимодействовать со святым Богом. Соединение Себя святого Бога с Израилем, выбирающее жить среди них особым образом по сравнению с остальным миром, требует, чтобы народ в целом был святым и обращал

внимание на эти вопросы чистоты и осквернения, которые позволяют контактировать с божественным. быть полезным, а не разрушительным.

Земля, святая Господня, земля Израиля, требует людей, которые будут святы и не осквернят ее. Опять же, Левит 18 — хороший отрывок для чтения. Опять же, именно осквернение хананеев привело к тому, что сама земля выплеснула их, образно говоря.

И поэтому должно быть так, что те, кто сейчас населяет эту землю, должны соблюдать уровень чистоты и эффективно бороться с загрязнениями, чтобы земля сохранила их. Один очень интересный текст, по крайней мере, я думаю, это Левит 20:22-26. Здесь мы снова видим озабоченность Израиля различием между чистыми и нечистыми, что отражает Божий выбор Израиля быть отдельным и отличным от всех других народов мира. земля.

Итак, повторюсь, отражение социальных границ и социальной идентичности Израиля по отношению ко всем другим этническим группам — это то, что пронизывает и усиливает каждое решение, которое принимает любой израильтянин относительно того, что является чистым или нечистым. Между прочим, соблюдение субботы также в первую очередь рассматривается как отражение деятельности Бога, независимо от того, становится ли это свидетельством Божьей работы по созданию мира в отличие от любого другого Бога, создающего мир, или свидетельством Божьей искупительной работы, создающей Израиль как народ, выведя его из Египта, из дома рабства. В период Второго Храма, особенно в диаспоре, мы видим, что евреи ищут еще другие способы объяснить и придать смысл постановлениям Левита, среди других текстов.

Например, становится все более распространенным, особенно в александрийском и антиохийском иудаизме, думать о диетических законах как о кодировании моральных принципов. Так, например, в «Письме Аристея», возможно, тексте первого века до нашей эры, написанном, вероятно, в Египте, а может быть, даже в Александрии, Египет, мы находим, что животные обладают определенными характеристиками или приписывают им определенные характеристики. Таким образом, отказ от употребления в пищу этого животного на самом деле является моральным наставлением против воплощения характеристик этого животного.

Следовательно, израильтяне и евреи не едят стервятников или канюков, потому что это учит нас не охотиться на слабых или умирающих. И вот, собственно, в том тексте у вас есть долгие рассуждения о различных животных и пороках, которые с ними связаны. Таким образом, в новую эпоху это становится способом мышления о значимости их собственных законов чистоты и их собственных диетических правил.

Другой текст в этом отношении — это 4 Маккавейские, где сами законы питания не морализируются и не аллегоризируются, а рассматриваются как своего рода данная Богом программа тренировок для развития добродетели самоконтроля. Итак, мы воздерживаемся от самого сочного и вкусного мяса, такого как свинина и омары, и это Божий способ научить нас обуздывать свои страсти, обуздывать свои желания и ежедневно упражнять себя в самообладании, чтобы мы также могли добиться успеха. более крупные моральные решения, вооруженные и оснащенные самоконтролем. В заключение хочу сказать несколько слов об уровне заботы о чистоте.

Чем ближе вы были к центру места обитания святого Бога, тем больше вам казалось, что вам нужно заботиться о чистоте и загрязнении. Служащим храма, священникам и левитам, не только во время пребывания в Иерусалиме, но и вообще в течение всего года, приходилось принимать меры предосторожности против многих загрязнений, которые вполне допустимы для мирян, пока миряне находились вдали от храма. Таким образом, священники могли присутствовать только на погребении своих ближайших родственников, но им было запрещено осквернять трупами других людей, тогда как израильтяне-миряне могли хоронить кого угодно и заботиться о нем.

Фактически, для Товита, еще одного межзаветного текста, это похвальный акт милосердия, заключающийся в том, что Товит хоронит разоблаченных израильтян. Но священник не мог этого сделать. Священнику будет запрещено хоронить своих ближайших родственников.

Все, кто войдет в священные пределы храма, будут более внимательны к чистоте и загрязнению, к уровням чистоты, чем они были бы дома, в Модине или Гамле . Все евреи должны были заботиться о сдерживании и устранении загрязнений, возникающих по всей земле, чтобы земля не извергла их. Но, опять же, это не означает, что они избегали загрязнения любой ценой.

Они справились с этим только тогда, когда оно возникло. Существует ряд запрещенных осквернений, которых всем евреям следует избегать любой ценой. Например, умышленная задержка очищения из-за разрешенного загрязнения представляла собой умышленное правонарушение и осквернила святые места.

Осквернение трупов священников, как я только что упомянул, за исключением ближайших родственников священника. Определенные сексуальные загрязнения, инцест, половой акт с женщиной во время менструации, зоофилия и гомосексуальные практики. Общение с идолами или идолопоклонство было осквернением, от которого не было очищения.

А также убийство, пренебрежение обрезанием и осквернение храма или субботы. Одной примечательной переменной, по крайней мере, в иудаизме Второго Храма, была озабоченность вторичным загрязнением, которое вызывается чем-то, к чему прикасался человек или вещь, которая сама по себе была нечистой. Большинство евреев не беспокоило вторичное загрязнение.

Но фарисеи, похоже, отличились тем, что беспокоились о вторичном осквернении. Таким образом, они будут заботиться не только о загрязнении, нанесенном нечистым человеком, который прикоснулся к ним, но и о вещах, к которым мог прикоснуться нечистый человек, к которым они могли прикоснуться. И поэтому они соответствующим образом регулировали свои отношения с другими евреями.

Вот почему фарисеи были такой четко дифференцированной группой и почему они ели вместе с другими фарисеями, а не с любым другим израильтянином-мирянином. Соблюдающий еврей был заинтересован в сохранении чистоты в связи с наличием чистых рук и чистого сердца. В заключение я просто хочу подчеркнуть, что древнего израильтянина, еврея Второго Храма, заботила чистота как с точки зрения того, что мы называем этикой и намерением, так и с точки зрения того, что мы называем ритуальной чистотой.

Правила и практика были не просто внешним вопросом. Они были внешним отражением основных убеждений. А именно, послушание Божьему желанию, чтобы евреи были святы перед Богом, как и Бог был свят, и обязательство жить отражением Божьей святости посреди нечистого мира.

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это сеанс 7 «Чистота и загрязнение».